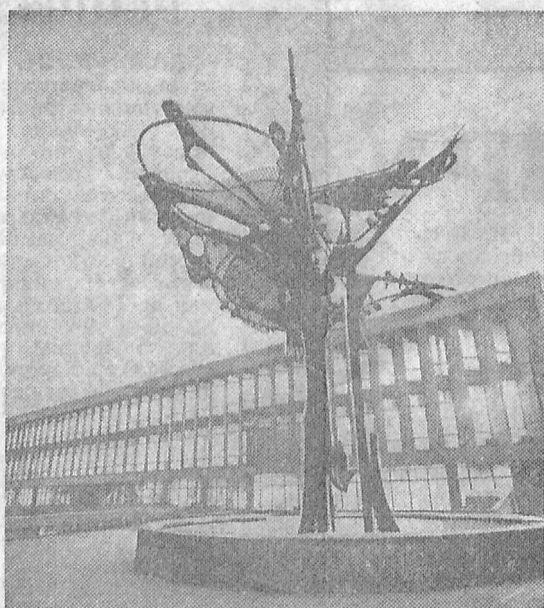

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

ОГНИ БОЛЬШОГО КОЛЬЦА

Ашхабад

ему кольцевому маршруту; впереди надвигается электрическая громада кинотеатра «Мир». Здесь большая посадка, — только что кончился сеанс. Абдырахман незаметно показывает в салон:

— Видите, Сергей Васильевич Яковлев едет, почетный гражданин города Ашхабада, заслуженный строитель республики, Герой Социалистического Труда...

В 1933 году сюда из Донбаса приехало несколько добровольческих строительных бригад. Временю, в порядке шефской помощи, Яковлев утверждает, что, где человек строит, там и есть его родина. Он строил театр Молланепеса, здания Академии наук, кинотеатр «Мир», 1-ю очередь университета, Дворец спорта «Динамо». Сейчас работает на 24-квартирном доме. Сын Виктор, мастер, заканчивает новое здание музыкального училища. В очередных училищах есть что-то от музыки, кажется, от арфы.

...Остановка называется «светфор». Нам — красивый. Пока мы пережидаем поток автомашин, я с улыбкой цитирую Абдырахману записанную в блокноте заметку из местной газеты за 1914 год: «В Ашхабаде имеется не менее 12 автомобилей. Необходимо установить соответствующие правила езды». И задумываюсь. Правоммерно ли такое сравнение? Поймет ли тридцатилетний водитель троллейбуса, какой скачок в истории сделал его Туркменистан? Иностранцы, побывавшие в Ашхабаде, удивляются: подумать только, современные восьмидесятилетние учились в советской школе! Но что же тут удивительного, они же двадцати лет от роду стали гражданами СССР! Для Абдырахмана Дурдыева Советская власть была всегда, он не может себе представить глинобитный город и растерянного ашхабадца перед белым клубом пыли, поднятой одними из «не менее двенадцати автомобилей». В его троллейбусном парке полторы сотни машин семи маршрутов.

В кармане Абдырахмана маленький, еще пахнущий краской диплом об окончании техникума. Нельзя сказать, что диплом этот достался без всякого труда, сказать, что на него были затрачены какие-то сверхусилия, тоже нельзя. Все учатся. В Ашхабаде, где так много вузов и техникумов, не учиться просто неприлично. Но с чем же мне сравнить для Абдырахмана эти факты? На задворках Российской империи аналогов для них не было.

...Гаснет вечер над Ашхабадом, на улицы хозяйкой вступает ночь. Гаснут огни, стихают фонтаны. Мой добрый знакомый троллейбус устало опускает рога. Город спит. Разметались во сне Абдырахмановы сыновья — Гельды, семи лет, и Сердар, шести.

Гельды по-туркменски означает Пришедший. Сердар — Вождь. Когда СССР станет праздновать столетие, их жизнь будет в самом расцвете.

Э. ЭЛЬЯШЕВ.
(Наш спец. корр.).

АШХАБАД.

На снимках: здание республиканской библиотеки имени Карла Маркса; всегда многолюдно в читальных залах библиотеки; вечерний Ашхабад.

Фото ТАСС.

Медленно тает во тьме синь снегов отрогов Колет-Дага; неспешно на южном бархатном небе возникают первые звезды. Тихий добрый вечер приходит на улицы Ашхабада. К остановке неслышно подкатывает белоснежный троллейбус, залитый электричеством, как лайнер в ночи тропических морей.

Троллейбус № 1 опоясывает город за час пятнадцать минут. Это как бы главный маршрут. Троллейбус с бортовым номером 139 ведет бригадир маршрута Абдырахман Дурдыев. Он неторопливо рассказывает о своих пассажирах, о том, где, кто и когда выходит; с огнем меня потом знакомят, другим я звоню сам. Так сложился этот репортаж.

Остановка «Дворец пионеров». Сейчас пионеры сидят дома и учат уроки, их дворец затаялся темными окнами. Там в его глубине, на полках космические корабли и пластилиновые Иванны-царевичи, зеркала в балетных классах отражают тишину. Над крышей полыхают неоновые слова «Пусть всегда будет солнце!», еще раз утверждая принцип детского отношения к миру. Рядом аркада театра Молланепеса нежно окрашена светом ажурных фонарей, сияет огромный фасад гостиницы с арабской вязью русских букв — «Отель Ашхабад». Здесь всегда многолюдно; туркменский говор млепается с обрывками иностранных фраз, ашхабадки в длинных национальных платьях, постукивая модными каблучками, словно плывут над плитами площади.

Кассу театра Молланепеса осаждала очередь. Пьеса шла на туркменском языке, что было вполне естественно для местного академического театра, а вот публичка была разноязычной. Люди брали в гардеробе паушники — к пьесе шел синхронный перевод.

— Раньше, когда я жил в Ашхабаде, — грустно вздыхает симпатичный парень у кассы, — я ходил в театр по два, нет, по три раза.

— Каждый месяц? — уточнил я.

— Зачем в месяц? В неделю.

Ягмур Довлетсахатов и Джума Аббаев, оба — из Кизил-Арвата, студенты техникума советской торговли, приехали на

сессии. Джума и в театре, и в Ашхабаде второй раз. Ягмур знает наизусть весь репертуар.

В столице 4 театра, кроме Туркменского драматического, — русский им. Пушкина, Национальный оперный, ТЮЗ. За год в них побывали 395.600 человек. Это почти на сто тысяч больше, чем все население Ашхабада.

Я дождался своего троллейбуса с бортовым номером 139 и продолжил маршрут по городу.

— Ты не знаешь того седого пассажира в очках, похожего на профессора? — спросил я Абдырахмана.

— Он и есть профессор, — сказал водитель. — Поближе к библиотеке сойдет.

...Доктор экономических наук, профессор Айдола Аннаклычев стоял у балюстрады, выходящей в один из дворики библиотеки. Дворик носил имя Фирдоуси, и барельеф поэта, казалось, чутко прислушивался, как журчит в фонтанчиках вода. Это был бы классический внутренний дворик средневекового Востока, если бы его террасы не переходили в читальные залы, если бы его не окружали стекло и бетон.

— «Деяния наши, — вымолвил Рустам, — бессмертным станут памятником нам», — прочитал профессор из «Шахнаме». — Знаете, я живу в Ашхабаде с двадцать восьмью года, на месте нынешней площади Карла Маркса по существу был тогда пустырь, там, где сейчас дворик Фирдоуси, стояли какие-то глинобитные лавочки. Помню, каким праздником для Ашхабада было торжественное открытие вот этого храма знаний, где мы сейчас стоим, как гордились ашхабадцы, когда его авторам и строителям была присуждена Государственная премия СССР.

— Здесь, в этих стенах, собрано четыре миллиона томов. Сотни человеческих жизней не хватит, чтобы их прочитать. И в то же время каждая книга находит себе читателя. Вот в чем кажущийся парадокс между ограниченностью возможностей познания отдельного индивидуума и беспредельностью объема знаний общества в целом. Но для этого нужна была революция... Здесь, в хранилищах, — продолжал профессор Аннаклы-

чев, — есть дореволюционное издание труда «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» под редакцией Семенова-Тянь-Шанского. Там нас, туркмен, называют туземцами. Взгляните на них!..

«Туземцы», на сколько хватило взгляда, занимали все столики читальных залов.

В библиотеке 16 читальных залов. Одновременно могут заниматься больше тысячи человек. На пополнение фондов отпускается 200 тысяч рублей в год.

Накануне Октября грамотных в Туркмении насчитывалось ничтожное число. Пользование библиотекой было платным.

...На углу проспекта Свободы и улицы Ленина остановка была долгой. Троллейбус пустел. Многие, сходя, заглядывали к нам в кабину и сердечно попрощались с Абдырахманом.

— Что ж тут удивительно, — объяснил водитель. — Я уж шесть лет как депутат горсовета, а это едет наш партийно-советский актив.

— Куда едет, ведь вечер?

— А сегодня вторник. По вторникам филармония у нас устраивает музыкально-литературные вечера для городского актива. Например, на прошлой неделе была камерная музыка, на позапрошлой — вокальная. Тут тебе и лекция, и концерт. По-моему, полезная вещь... Сегодня у вас что? — спросил он последнего сходящего пассажира.

— «И вальса звук прелестный!» — бросил тот на ходу.

И снова наш троллейбус мчит по городу, поет шинами, срывает молнии с проводов. В центре кольца проходит улица Пушкина, на которой расположен республиканский Дом работников просвещения, или попросту Дом учителя. Троллейбусу сюда въезда нет, а так — пожалуйста, милости просим, даже если вы не имеете прямого отношения к учителям. Дом переполнен музыкой, будто внутри настраивают гигантский радиоприемник и никак не могут выбрать подходящую программу. Протяжное соло зурны сменяют синкопы рояля, вот пугливо ойкнула балалайка, и тут же вдарил в фойе ансамбль современного эстрадного танца.

При Доме учителя работает театральная студия «Современник», лауреат Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся. Студией руководит Александр Васильевич Фролов, выпускник Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Поступающим предлагается тест: выложить из пяти спичек произвольный рисунок. В рисунке более или менее просвечивает характер. Фролов учит студийцев ходить, сидеть, разговаривать на сцене; они это переносят в жизнь.

Ставили «Антигону» Жана Ануя. После премьеры некоторых студийцев пригласили работать на профессиональную сцену. Фролова поздравляли с успехом. «Еще один такой успех», — сказал он, — и мне придется заново создавать студию». Фролов не хочет, чтобы самодеятельность была чем-то вроде подготовительных курсов театрального института. Вместе с тем Фролов пожимает плечами, когда ему говорят: «Великая благородная роль самодеятельности в том, что она отрывает молодежь от пьянства (оно, кстати, в Ашхабаде практически незаметно) и безделья».

Воспитанник Фролова Ахмедяров формулирует взгляд на самодеятельность примерно так: студия — это коллектив, созданный на абсолютно добровольных началах, тем она и отличается от школы, университета, учреждения. Мы приходим в студию и учимся очень многим вещам, которым не учат ни в школе, ни в университете, ни на работе. И эта учеба становится главным, а сцена отодвигается на второй план.

Слава Ахмедяров — студент-филолог, рассказывает о себе, что «са тогда назад был ужасно развращен, разболтаным парнем». Говорит, здесь научился смотреть фильмы и живопись, читать большую литературу, — он так и сказал: не художественную, не классическую, а большую. Говорит: «Раньше «Муму» в школе прочитали, а вот недавно прочитал, знаете, — и горький комок в горле».

В домах культуры Ашхабада занимается 55.600 человек, сказали мне в горкоме партии.

Троллейбус кружит по сво-

